

Эйтан ФИНКЕЛЬШТЕЙН

ОПЕРАЦИЯ «ЖЕНИТЬБА»*

Из романа «Пастухи Фараона»

Из газет. "Вечерний Ленинград", 15 июня 1970 года. Хроника.

15 июня с.г. в аэропорту «Смольное» задержана группа преступников, пытавшихся захватить рейсовый самолет. Ведется следствие.

Из оперативных донесений.

Начальнику УКГБ при СМ СССР по Ленинградской области генерал-лейтенанту И.П. Носыреву

12 мая 1968 г. Ленинград

8 мая с.г. секретный сотрудник «Фаина» сообщила, что ее знакомая гр-ка А. Кац рассказывала, будто ее приятель по имени Гарик предложил ей бежать в Израиль на самолете, который он собирается угнать. Проверкой установлено, что «Гариком» является гр-н Лившиц Гавриил Юльевич, 1928 г. рождения, еврей, член КПСС, разведен, работает инженером в тресте «Птицепром». В прошлом военный штурман.

Начальнику УКГБ при СМ УССР по Одесской области тов. Куварзину

18 августа 1968 г. Одесса

Сек. сот. «Инженер» сообщает, что 17 августа с.г. на проводах гр-на Шифлина Авраама Куселевича молодой парень по имени Толя пожаловался, что не может подать документы на выезд, так как у него нет родственников в Израиле. На это Шифлин ответил: «У настоящего патриота Израиля всегда есть выход – бежать через границу. При этом лучше всего угнать подводную лодку, что-

---

* Роман будет опубликован в издательстве «Новое литературное обозрение» Москва

бы одновременно принести пользу родине». Проверкой установлено, что «Толя» – это гр-н Апельман Анатолий Львович, 1941 г. рождения, без определенных занятий. Шифлин дал Апельману рекомендательное письмо в Ригу. Внешнее наблюдение сообщает, что сегодня в 8.05 Апельман отбыл поездом в Ригу.

Оперуполномоченному ст. лейтенанту Прохорову
6 ноября 1968 г. Потьма

Вчера вечером после отбоя з/к з/к Федотов, Каненко и Жлобкин залезли на нары и долго шептались о том, что будут делать после освобождения. Каненко сказал, что уедет на Украину и будет поступать в институт иностранных языков. Федотов сказал, что будет продолжать борьбу, несмотря на то, что начал ее глупо. Жлобкин сказал: «Не верю, что смогу чего-то добиться в Советском Союзе, но я не хочу хоронить свой талант писателя и поэтому после освобождения подамся на Запад». На это Федотов заметил, что бежать через границу еще труднее, чем стать писателем.

«Студент»

Председателю КГБ при СМ Лат. ССР
генерал-майору В.Я. Авдюкевичу
4 июля 1968 г. Рига

Подборка по бегству за границу

1. Сек. сот. «Рыбак» сообщает, что 26 июня подслушал разговор в парке «Шмерли» трех молодых парней еврейской наружности. Первый сказал: «Остаться в СССР равносильно тому, что жить в тюрьме». Второй сказал: «Но ведь тебе уже отказали и, может быть, никогда не разрешат». – «Тогда я уеду без разрешения». – «Как это, перейдешь границу?». – «Нет, я с друзьями построю воздушный шар, и мы улетим в Швецию». С/с «Рыбак» проводил первого парня до дома. Проверкой установлено, что им является гр-н Клоп Ноах Мордухович, 1944 г. рождения, техник. Подал документы на выезд в Израиль. Двое других приезжие. Личности устанавливаются.

2. 5 июля с. г. в приемную поступило письмо от гр-на Чернова Юрия Петровича, работающего на Хлебокомбинате № 3. Чернов сообщает, что однажды в заводской столовой рассказал, как служил пограничником на советско-норвежской границе и ловил там перебежчиков. К нему подошел человек, которого все звали «Кися», и стал расспрашивать, как ловят перебежчиков. 2 июля с.г. «Кися» принес Чернову крупномасштабную карту Карелии, сказал, что едет туда отдыхать и просил показать такие маршруты,

чтобы не попасть на глаза пограничникам. Все это показалось Чернову подозрительным, и он решил сообщить в КГБ. Проверкой установлено, что «Кися» – гр-н Кисельман Лазарь Шмулевич, 1938 г. рождения, женат, не судим, с 1966 года подает на выезд в Израиль, где у него проживает мать.

Из докладной записки

Совершенно секретно

Председателю КГБ при СМ СССР тов. Ю.В. Андропову

23 ноября 1968 г.

В связи с решением Политбюро ЦК КПСС о проведении судебных процессов над сионистски настроенными лицами в гг. Риге, Вильнюсе, Кишиневе, Одессе, Киеве и Ленинграде представляю вам наши проработки по этому вопросу.

1. Подготовка и проведение судов на идеологической основе представляются нам затруднительными, так как большинство сионистски настроенных лиц имеют в Израиле родственников и прикрываются правом на воссоединение семей.
2. Большие сроки наказания по соответствующим статьям не предусмотрены, а маленькие – сведут эффект от судов к минимуму.
3. Суды над лицами, пытающимися законно выехать из СССР/воссоединиться с родственниками, могут произвести неблагоприятное впечатление за рубежом.

Учитывая вышеперечисленное, нам представляется, что с целью более эффективной реализации решений Политбюро ЦК КПСС необходимо найти другую основу для проведения процессов над сионистами. Такой основой, по нашему мнению, может стать разбойное нападение группы сионистов на советский самолет/корабль с целью бегства за границу.

По нашему мнению, процесс над угонщиками самолета/корабля позволит:

1. Развернуть осуждение/преследование сионистов повсеместно по стране, начиная от заводских коллективов, кончая Академией наук и Союзом писателей.
2. Судить сионистов по статье «Измена Родине» и назначить им максимальные сроки наказания.
3. Суд над лицами, пытавшимися незаконно бежать за рубеж с захватом самолета/корабля, ограничит возможности разведслужб Запада и сионистских центров по развертыванию антисоветской пропагандистской кампании.

В связи с вышесказанным прошу вашего согласия на разработку операции по захвату сионистами самолета/корабля с целью

угона его за границу. При этом сообщаю, что неплохие наработки в этом направлении имеются в УКГБ по Ленинградской области, которое предлагаю сделать головным в разработке и проведении предлагаемой операции.

Начальник Пятого Главного Управления КГБ при СМ СССР
Бобков

Из разговора по вертушке

– Бобков, ты?

– Я, товарищ председатель. Слушаю вас внимательно.

– Ну вот, говорил я о твоей записке. Разные мнения есть, разные. Да...

– Имеются конкретные возражения?

– Конкретные – не конкретные, но Устинов-то носом крутил: «Специалисты они хорошие, не обойтись без них!». И Громыко не так чтобы очень. Суслов, конечно – «за». Черненко «не против», только, говорит, одновременно и по диссидентам ударить надо.

– Ну, а как Сам?

– Добро дал, только дров, говорит, не наломайте.

– Так как будем, товарищ председатель?

– А так и будем, Филипп Денисович, – начинай, но смотри в оба. И два тебе условия. Самолет там надумаешь или корабль – дело твое. Только чтоб стопроцентная гарантия в смысле угона. Окажется на Западе – головы тебе не сносить.

– Понял, товарищ председатель. Что еще?

– Еще вот что. Нехорошо, когда одни евреи. Ты давай туда русских, так один к четверем. Поженем диссидентов с сионистами, сыграем свадьбу, а потом дадим им квартиру. Казенную и надолго. Давай, действуй. Да...

Из докладных записок

Совершенно секретно

Начальнику Пятого Главного Управления КГБ при СМ СССР

г. Бобкову Ф.Д.

21 мая 1969 г.

Настоящим прошу утвердить кандидатуру гр-на Лифшица в качестве «пилота» и гр-на Путмана в качестве «руководителя» операции «Женитьба».

Лифшиц Г.Ю. окончил Саранское летное училище по специальности «штурман бомбардировщика». Уволен из ВВС в 1961 г. ввиду конфликтного характера, выразившегося в правдоискательстве и несговорчивости с начальниками и сослуживцами. После Шестидневной войны 1967 г. загорелся желанием уехать в

Израиль и начал склонять к отъезду жену Анастасию Ивановну, русскую. После отказа последней развелся с ней, оставив двух дочерей. Одержим идеей прилететь в Израиль на самолете. Рассматривал возможность построить самолет или воздушный шар, но остановился на угоне. Часто летает по разным маршрутам и заходит «поболтать» в кабину пилотов. В настоящее время пришел к выводу, что в одиночку угнать самолет не сможет. Ищет сообщников.

Путман П.И. окончил Ленинградский юридический институт в 1954 году, работал следователем в милиции. Выведен за кадры в звании лейтенанта за превышение полномочий, разглашение служебных сведений и грубое отношение к подчиненным. В настоящее время работает инженером. Под наблюдением с ноября 1966 г., когда в сговоре с другими лицами создал нелегальную антисоветскую сионистскую организацию. Членом ее руководящего органа, «Комиссариата», является с весны 1968 г. Амбициозен, болтлив, тяготеет к прожектерству.

В случае вашего согласия с указанными кандидатурами, с/с «Веня» немедленно сведет Лифшица с Путманом.

Начальник УКГБ при СМ СССР по ЛО генерал-лейтенант Носырев

Секретно

Начальнику Пятого Главного Управления КГБ при СМ СССР

т. Бобкову Ф.Д.

6 сентября 1969 г.

5 октября с.г. из лагеря № 37 в Потье освобождается з/к Жлобкин Арманд, отбывающий семь лет заключения по статьям 70, ч. I, и 72 УК РСФСР. Согласно сводкам оперуполномоченного ст. лейтенанта КГБ Прохорова, з/к Жлобкин после освобождения будет пытаться попасть за рубеж, где рассчитывает «развернуть свой талант философа и писателя». В связи с этим мы запросили экспертную оценку на Жлобкина. Эксперт, профессор А. З-в, считает, что Жлобкин является недоучкой и дилетантом; максимум, на что он может рассчитывать на Западе, это работа в какой-нибудь эмигрантской газете или на радиостанции «Освобождение».

В связи с этим предлагаю оказать Жлобкину негласное содействие в выезде за границу. В случае вашего согласия я проинструктирую оперуполномоченного ст. лейтенанта Прохорова, с тем, чтобы перед освобождением он разъяснил Жлобкину, что в СССР мы ему жить не дадим, но препятствовать его отъезду за границу не будем. Оперуполномоченный Прохоров порекомендует Жлоб-

кину поехать в Прибалтику, жениться на еврейской женщине, которая собирается выезжать в Израиль, и вместе с ней убраться, куда ему вздумается. Он также даст Жлобкину адрес в Риге с/с «Доктора», который получит соответствующие инструкции от своего ведущего.

Старший следователь по особо важным делам УКГБ по МО
п/п Пугин

Совершенно секретно

Начальнику Пятого Главного Управления КГБ при СМ СССР

т. Бобкову Ф.Д.

20 сентября 1969 г.

Настоящим сообщаяю, что 16 сентября с.г. сек. сот. «Веня» свел Лифшица с Путманом. Путман сразу же загорелся идеей угнать самолет и принялся обсуждать с Лифшицем разные варианты. В настоящий момент они сошлись на плане угнать рейсовый самолет Ту-124 Ленинград – Мурманск. Операция «Женитьба» назначена на 1-2 мая следующего года.

24 декабря 1969 г.

Сообщаяю, что Лифшиц отказался от планов угона маршрутного самолета Ленинград-Мурманск, так как убедился, что не справится с управлением. Кроме того, Путман познакомил Лифшица с членами возглавляемой им сионистской группы. Согласно оперативному наблюдению, Лифшиц произвел на них плохое впечатление. В «Комиссариате» возникли разногласия между его членами, с одной стороны, и Путманом и Лифшицем, – с другой. В результате решили обратиться с запросом в Израиль через первого же члена группы, который получит разрешение.

В связи с этим мы срочно выдали разрешение с/с «Малышу», который будет действовать в Израиле в соответствии с указаниями резидента «Попа».

Начальник УКГБ при СМ СССР по ЛО генерал-лейтенант Носырев

Из распоряжений Совершенно секретно 7 января 1970 г.

Начальнику УКГБ при СМ СССР по ЛО генерал-лейтенанту Носыреву И.П.

Копия: Председателю КГБ при СМ Лат. ССР
генерал-майору Авдюкевичу В. Я.

Относительно операции «Женитьба»

В связи с тем, что «пилот» вызвал недоверие членов «Комиссариата», сексот «Веня» должен немедленно связать Лифшица и Путмана с гр-м Жлобкиным А., проживающим по адресу: г. Рига,

улица Стучки, дом № 85, кв. 12., женатым на гр-ке Рабинович О.И. и вместе с ней подавшим документы на выезд в Израиль.

Во изменение нашего прежнего распоряжения КГБ при СМ Латв. ССР должен немедленно отменить разрешение семье Жлобкин-Рабинович и дать им знать (официально и через сек. сотрудников), что они никогда из Союза не уедут.

В дополнение сообщаю, что проработки аналитического отдела показали: Жлобкин начнет вербовать угонщиков из числа сионистов в Риге, Одессе и Кишиневе /через О. Рабинович/, а так же из числа своих поделельников и сосидельцев в Москве и других городах.

Начальник Пятого Главного Управления КГБ при СМ СССР Бобков

Из докладных записок

Начальнику Пятого Главного Управления КГБ при СМ СССР

т. Бобкову Ф.Д.

2 апреля 1970 г.

Настоящим сообщаю, что 29 марта с. г. на конспиративной квартире на Витебском проспекте состоялась встреча членов «Комиссариата» с Лифшицем, на которой неожиданно для нас появилось новое лицо, которое представилось «из Москвы от Гельфонда». Путман протянул ему открытку от «Малыша», в которой содержится согласие Шин Бет на проведение операции «Женитьба». Московский посланец эту открытку разорвал и бросил в лицо Путману. Начались горячие споры. В конце концов, Путман и Лифшиц поклялись, что отказываются от угона и сообщат Жлобкину, что операции «Женитьба» отменяется.

1 июня 1970 г.

Настоящим сообщаю, что 22 мая с.г. Лифшиц вызвал в Ленинград Жлобкина, чтобы обсудить новый вариант угона. 25 мая они поехали в аэропорт Смольное с целью проверить возможность захвата 12-местного самолета АН-2 на летном поле. К сожалению, местная милиция, получившая от нас сигнал, поняла так, что угон должен состояться в тот же день, и выставила дежурных с собаками. В результате, Лифшиц и Жлобкин пришли к выводу, что подобраться ночью к самолету не удастся.

Однако уже 5 июня с.г. Лифшиц снова звонил Жлобкину, попросил его приехать, обсудить третий вариант «Женитьбы». 8 июня в Ленинград прилетели из Риги Жлобкин и человек из Москвы по имени Юра. В тот же день они втроем летали из Смольного в Приозерск на АН-2. Вернувшись в Ленинград, решили остановиться на следующем варианте: Лифшиц закупает все биле-

ты на рейс Ленинград – Приозерск, мужчины садятся в аэропорту Смольное, женщины и дети выезжают в Приозерск поездом и ждут на аэродроме. Во время полета мужчины нападают на пилотов, связывают/убивают пилотов, приземляются в Приозерске, подбирают женщин и летят в шведский город Боден. Операция намечена на 15 июня с. г.

Начальник УКГБ при СМ СССР по ЛО генерал-лейтенант Носырев

Из разговоров по вертушке

– Ты что ли, Бобков?

– Я, товарищ председатель. Докладываю, завтра будем играть свадьбу. В 8.35 поднимем бокалы.

– Неожиданностей не будет?

– Расписано по нотам, стопроцентная гарантия.

– Оружие есть?

– Палки, кастеты, веревки...

– Я спрашиваю, обрез или, там, пистолеты?

– Нет... не установлено.

– Не установлено, говоришь. Значит, как договорились: взять на поле, к самолету не подпускать. В случае чего, стрельбу не открывать, брать вручную. Убьют кого из наших, дадим вышку.

– Само собой.

– Ну давай, действуй. Да...

– Але, Логинов, ты?

– Я, товарищ Андропов. Слушаю вас.

– Просьба у меня к тебе, маршал. Отмени-ка ты рейс 179 из Ленинградского Смольного в Петрозаводск. На 15 число. Там АН-2 летит. Только так отмени, чтобы посадку объявили, всех пропустили, а там дело за моими ребятами. И обязательно лично все сделай. Тихо так, спокойно.

– О чем речь, Юрий Владимирович! Прямо сейчас сделаю. Рейс 179, говорите? Из Смольного? Все записал, можете не беспокоиться.

– Ну всего тебе, Логинов. Да...

Из письма

Потьма, июнь 1974 г.

Папа, мама, здравствуйте!

В прошлом письме, которое у меня конфисковали, я писал вам о моей жизни здесь. Коль скоро я не имею права писать о своем теперешнем положении, я решил рассказать в этом письме о событиях четырехлетней давности.

15 июня мы встали спозаранку, вышли к летному полю. Еще

была ночь. Вытащил сломанную спичку из рук Толика, а это значит – спальник мне не достался и, подстелив плащ, лег на землю. Вова с Ильей подогрели перловую кашу в банке и немного съели. Толик на проволоке поджаривал кусочки свиной колбасы. Естественно, что никто не подумал о водке или вине – еврейская компания!

Временами казалось, что вокруг нас за деревьями расположились другие люди: еще с вечера, прямо по колхозному полю подъехала к леску «Волга» с четырьмя мужчинами, один вышел и внимательно смотрел в сторону леса; иногда где-то, на расстоянии метров ста звучали вроде приглушенные голоса, шуршали листья. Сон был короткий, и уже в пять часов подъем. Толик сказал: «Последняя ночь на воле».

Для меня такая реплика была неожиданной: ни о чем подобном я не думал; в пределах ближайших часов мой путь был мне ясен, а дальше – как повернется. Уже через несколько месяцев на допросе я сказал следователю: я сделал все, чтобы попасть на Родину. Надо было подать документы – собрал и подал их в МВД. Отказали – жаловался в ЦК; подал еще раз, снова отказали, и снова жаловался, и только когда мне заявили в ОВИРе, чтобы на официальный выезд я не надеялся, решил добиваться любым путем. Ну, а если не получилось, что ж, я сделал все, что мне казалось возможным. Именно с таким настроением я и встал рано утром с мокрой травы, перекинулся парой слов с товарищами, и мы пошли.

Было солнечное, ласковое утро, леса и поля вокруг были зелеными и свежими, но они были чужими, и совсем ни к чему было мне это ласковое утро. Хотя ясное небо – летная погода.

Стали прибывать автобусы из города. Я был удивлен, что они шли очень часто и из них выходило много молодых мужчин.

Вот приехали из Ленинграда все остальные. Прошли регистрацию багажа. 8.35. Объявляют посадку на самолет Смольное – Приозерск. Поодиночке, по два подходим к заборику и там – уже все вместе. Билеты проверяет солидный мужчина в форме ГВФ. Странно. Обычно такими делами занимаются молодые девушки. Ну, а впрочем – какая разница.

Один за другим выходим на летное поле и идем цепочкой к желто-оранжевому кукурузнику, стоящему в 50-ти метрах от входа. Я иду последним. Я бы сказал, что со стороны наша процессия должна выглядеть очень подозрительной. Мы проходим несколько шагов, и вдруг все ребята начинают поворачивать голову в мою сторону. В чем дело? Ах, да ведь нашего «пилота»

нет среди нас. Ну, это дело поправимое, он устроился чуть вдалеке от аэрокассы. Поскольку я последний, я должен его позвать – решаю я про себя. Почти бегом, но без паники, поворачиваю к выходу. Мужчина у выхода не хочет меня пропустить. Я ему говорю: «Мой товарищ задерживается, хочу его позвать». «Вы на Бокситогорск?» – спрашивает он меня. Но я не отвечаю, проталкиваюсь сквозь толпу и бегу к месту, где он сидел. Ну да! Он что-то ест. «Что же ты? Ведь уже объявлена посадка!». – "Разве? Не может быть, по расписанию еще десять минут до посадки. Странно». – «Все ребята уже садятся в самолет», – говорю я.

Он быстро собирается, идет за мной. По дороге к выходу встречаю «билетера» и весело ему кричу: «Я же говорил, что товарищ задержался, а вы не верили». На его лице удивление: «Вы на Бокситогорск?». Дался ему этот Бокситогорск. Я спешу к летному полю. У входа большая толпа. Слышу удивленные возгласы: «Дерутся?». Слышу, но не понимаю, о чем это они. Пересекаю калитку. Вдруг кто-то крепко хватает меня с двух сторон, дают подножку и кидают на землю. Голову прижали к земле, руки завели за спину и вяжут веревкой. Ах, вот в чем дело – нас выследили и арестовали: ну что же, к этому я был внутренне готов и поэтому сейчас вполне спокоен и регистрирую в памяти все, что вижу вокруг.

А вижу я – меня подняли с земли, – что на аэродроме много здоровых молодых людей. Тут же вооруженные офицеры, пограничники с собаками и автоматами, военные автобусы – подготовились старательно. Мимо меня проводят Гарика. Глаз у него начинает заплывать, по лицу сочится кровь. Все ребята в наручниках или со связанными руками стоят дальше от меня, почти у самого самолета. Внешне спокойны. Их поодиночке уводят в машины.

Меня приводят в дощатый барак диспетчерской. Сажу на стуле, рядом охрана. Чего-то ждут. Руки начинают отекать, но это ерунда. Входит старший лейтенант КГБ, двое понятых, молодые парни. Тщательно меня обыскивают. Жалкая сумма наличных – 5 р. 60 к. вызывает изумление. Наверное, думали найти тысячи. Предъявляют ордер на задержание – измена и пр. Отказываюсь подписать. Вся процедура происходит без шума, спокойно. Вдруг через окошко замечаю, что в соседней комнате сидит Арманд, курит и с кем-то бодро говорит.

Входит старший офицер. Удивлен, что я связан. Развязывает мне руки, выводит к «Волге». Никаких существенных мыслей в голове. Сажусь. По обе стороны от меня – двое; руки велят поло-

жить на колени. Едем...

Ну, вот мы и приехали, ворота захлопываются. Из передней машины выводят Илью. Высокий, в коричневом свитере, он держится непринужденно, вертит головой, что-то говорит. Иду вверх по лестнице. Длинный коридор. Двери, двери...

Наконец ввели меня в кабинет, там был следователь. Давать показаний я не захотел, и он мне сказал, что меня ждет высшая мера...

Из газет «Правда», 25 декабря 1970 г. Хроника

На днях коллегия по уголовным делам Ленинградского городского суда в открытом судебном заседании рассмотрела уголовное дело одиннадцати лиц, обвиняемых по попытке угона советского гражданского самолета.

В результате тщательного расследования дела полностью установлено, что организаторы преступления А. Жлобкин и Г. Лифшиц с конца 1969 г. активно занимались созданием преступной группы и подготовкой к разбойному захвату самолета, чтобы перелететь на нем с целью измены Родине за границу. Преступники планировали нападение на экипаж, убийство пилотов и хищение самолета. Замышлявшееся преступление пресечено советскими органами государственной безопасности.

Коллегия по уголовным делам Ленинградского городского суда, признав доказанной вину подсудимых, приговорила организаторов особо опасного государственного преступления Лифшица и Жлобкина к смертной казни. Остальные подсудимые приговорены к различным срокам лишения свободы. /ТАСС/

ЛЕВ АБРАМОВИЧ ПЛАЧЕТ*

Лето 1922 года провел я в Берлине, где завязались у меня переговоры с Соломоном Каплунем. Каплун был выходцем из России, в раннем возрасте попал в Нью-Йорк, начал там разносчиком газет, но к моменту нашего знакомства числился среди самых знаменитых нью-йоркских антрепренёров. Я рассказал Каплуну о гастрольях, которые готовлю Художественному театру здесь, в Европе, он загорелся и пригласил нас к себе в Нью-Йорк. Я написал в дирекцию театра, там подумали и решили – быть европейско-американскому турне!

---

* Из сборника рассказов «Спектакль на всю жизнь». Издательство «О. Krylova», Прага, 2004 г.

Каплун, правда, к тому времени вернулся в Нью-Йорк, но я снесся с ним по телефону и договорился, что гастроли начнутся в январе. Пока же выписал театр в Берлин. Сижу, жду.

И вот труппа прибывает. Открываем сезон величественным "Царем Федором". "Царя Федора" сменяет элегантный "Вишневый сад", "Вишневый сад" уступает место горьковскому "На дне". И что ж? Сумасшедший успех, восторженные рецензии, полные сборы!

Из Берлина везу театр в Белград, из Белграда – в Париж. Конечно, в Белграде большая русская колония, она нас великолепно приветствовала, но Париж другое – это столица мира, покорить её дано не всем.

И ведь покорили мы Париж, честное слово, покорили!

Покорили, и, окрыленные успехом, отправляемся в Нью-Йорк. Понятно, на пароходе, понятно, попадаем в невероятную по ярости бурю, понятно, всех шатает и выворачивает. Однако ж, проходит Рождество, и вот он, долгожданный Нью-Йорк. Стоим на палубе и размышляем – что-то нас здесь ждет?

Европа, она – своя. Европейские восприятия с нашими мало различаются. А если и различаются, то мы это знаем и учитываем. Новый же Свет нам неизвестен и непонятен. Знаем разве, что вкусы его – смесь всего и вся. Вот и пойдешь, найди равнодействующую, если в зале и итальянцы, и славяне, и тевтонцы, и иерусалимские дворяне!

А пока с биением в сердце ждем разгрузки. Глаза ищут, ищут – неужели никто не встретит? Тут появляется Каплун. Маленький, энергичный, он первым делом предупреждает, что звать его надо Сол Кап, потом быстро все устраивает, усаживает нас в огромный блестящий автомобиль, и мы отправляемся на завоевание Нового Света.

Первым даем "Царя Федора". С трепетом поднимаю занавес, с надеждой гляжу в зал. Он полон, но речь чужая, а дума в голове мучительная – что ждет нас: облака равнодушия или лучи атлантического солнца?

Солнце! Играли мы так, что успех превзошел все ожидания. Когда занавес опустился, Каплун бросился ко мне: "Успех, успех, успех!" После громоподобных статей в газетах – это у них и есть сенсация – публика валом повалила и на "Вишневый сад", и на "Дядю Ваню", и на "Три сестры".

Но что это была за публика!

Во-первых, славянские братушки, когда-то бежавшие от российских тягот. Во-вторых, американские снобы – актеры, режис-

серы, критики – люди привередливые и опасные, от них всего жди! И верно: прошло немного времени, новизна спала, и народ в зале начал убывать. Снобы отошли, русские дань отдали и к своим делам вернулись. И только третья категория – русские евреи остались верными и неизменными нашими клиентами.

Боже мой, как эти люди любили Россию! Уж вышли все сроки – божеские и человеческие, уж давно лежали в карманах американские паспорта, уже дети изъяснялись только по-английски, но для этих людей память о России была свята. Верные русскому языку, русским обычаям, широте русской, они знакомство с русскими актерами считали за честь. Не только посещением театра поддерживали нас, но и оказывали нам тысячи всяких услуг, без которых жизнь наша была бы во сто крат сложнее. К примеру, в один день кто-то из актеров объявляет: "Господа! Такой-то магазин на такой-то улице бесплатно чистит нам платье по новейшему американскому способу". На следующий день кто-то вывешивает записку: "Нашел пошивочную, где с удовольствием согласны дать нам скидку на восемьдесят процентов". И так – каждый день!

Только Александр Степанович К. ни с кем не делился своею находкою, которая заключалась в следующем. Американцы в ту пору сидели на сухом режиме, спиртные напитки были строго запрещены. Меж тем, изрядный выпивоха, Александр Степанович от отсутствия выпивки не страдал – что ни день был подшафе. Скрывал он от нас свою тайну, скрывал, но однажды выложил все начистоту.

Оказалось, владельцем аптеки вблизи нашего отеля был русский еврей по имени Лев Абрамович. Спирт держать ему разрешалось, но выдавать его он обязан был строго по врачебным рецептом. Однако ж, узнав, что Александр Степанович – русский актер, аптекарь пошел на риск – налил змеиной жидкости "дорогому земляку". При том без всякого для себя вознаграждения. После этого Александр Степанович в аптеку зачастил и неизменно получал свое.

Продолжалось это до тех пор, пока однажды Лев Абрамович возьми и скажи:

– А ведь я, Александр Степанович, тоже хочу выпить с вами рюмочку. Захватите как-нибудь друзей, я устрою стол, мы покушаем и выпьем за Россию.

Тут-то Александр Степанович нам открылся, собрал человек пять-шесть, и отправились мы в гости к аптекарю.

Лев Абрамович оказался человеком крупным, мясистым, с лы-

синой чуть ли не во всю голову и бородой, изрядно уже поседевшей. Примечательны были и его глаза. Маленькие, глубоко посаженные, они постоянно улыбались и излучали какую-то простодушную доброту. Аптекарь был счастлив, принял нас сердечно, усадил за стол, полный русских закусок, и предупредил полусшепотом, что основным блюдом будет фаршированная щука – "шедевр русской кухни".

Только он это сказал, как откуда-то выплыла его супруга, держа в руках огромную кастрюлю с этим самым "шедевром". Причесанная, накрашенная, одетая в парадное шелковое платье, она низко гостям поклонилась и поставила на стол кастрюлю.

– Как я рада, господа, что сегодня собрались все свои...

Аптекарь разлил спиртное в чайные чашки – так было положено для конспирации – и поднял первый тост: "За русское небо!" Второй был за русские леса, третий – за русских птиц, "пенье которых, – заявил аптекарь, – я люблю до слез, до сжимания сердца". Тут он стряхнул слезу и пустился вспоминать родное местечко Пуховичи, затерянное где-то в белорусской глуши.

– Ах, какие замечательные актеры к нам приезжали, какие прекрасные пьесы ставили! Помню спектакль "Фишка дер кример". Заглавную роль играл в нем сам Мориц Шлиппентох. И как играл! Я, например-таки, поверил, будто он и в самом деле кривой!

Тут встал довольно уже выпивший Александр Степанович, стукнул кулаком по столу и глубокомысленно произнес:

– Цыц! Фармацевтам и евреям разговор воссс...прещен!

Сцена открылась, что тебе в последнем акте "Ревизора". Гробовое молчание, все застыли в позах. Наконец, бедный еврей встал, закрыл лицо руками, выскочил в соседнюю комнату и уж там горько заплакал.

Мы к нему бросились, стали утешать, что, мол, это была шутка, что среди актеров такое водится и вообще – всякое в жизни бывает. Лев Абрамович плакать не перестал, и вечер окончился в глубокой печали.

По окончании гастролей театр возвращался в Европу. Грузились мы на той же пристани, под наблюдением того же расторопного Каплуна. Толпа провожающих была велика. Пришли проводить нас и горячие поклонники, и фотокорреспонденты, и другие люди, но дольше всех махал нам шляпою аптекарь Лев Абрамович.